

Вторую неделю шёл мокрый липкий снег. Он пригибал к земле чёрные, измученные тяжестью ветки деревьев, облеплял рыхлыми полотнищами заборы, затягивая рискнувших выйти из дома в плен снежно-грязной каши. Егор брёл, с трудом вытаскивая из неё ботинки. Тяжёлый рюкзак давил на плечи. Шесть уроков, да ещё книжки к реферату в библиотеке взял. Он сунул замёрзшие руки в карманы и сильнее нахохлился. Зимнее солнце, отражаясь от белых крыш, слепило глаза.

Из-под очередного забора, мимо которого шагал Егор, вылетела упитанная шоколадная тушка. Заметив приятеля, восторженно замахала хвостом и запрыгала вокруг. Егор присел на корточки и почесал соседского щенка за ухом.

– Привет, – сказал он шёпотом. – Опять сбежал?

Щенок тихонько заскулил и активнее завертел хвостом. Его чёрные глазки жмурились от удовольствия. Егор улыбнулся. Он очень любил собак. Но завести себе ушастого друга, такого, как вот этот, не мог. Оставалось только дружить с соседским.

– Тузик, Тузик, так твою растак, – раздался из-за забора голос соседки. – Иди есть, бестолочь.

– Зовут, – сказал невесело щенку Егор. – Иди.

И хлопнул друга по круглому боку. Проследил, как упитанное тельце ввинчивается в щель под забором, вздохнул и выпрямился.

Дорожка к дому была замечена почти по колено. Снег вздыхал под ногами, не то скрипя, не то чавкая. И Егор с тоской подумал, сколько же тут работы лопатой. До самого вечера точно. А завтра всё засыплет снова.

Ступеньки привычно скрипели под нетяжёлым мальчишеским шагом. И дверь скрипела. Егор шагнул в маленькую прихожую, пахнущую холодом и старыми бумажными обоями, и привычно крикнул:

– Я дома!

Ему привычно никто не ответил. Он снял куртку, разулся и прошёл в комнату. Здесь тоже пахло бумагой. Лучше бы едой. Но печку сегодня явно не топили. Мать стояла у окна и смотрела на улицу. Невидящий взгляд её скользил по окружающему дом белому пейзажу.

– Я дома, – повторил Егор, бросая рюкзак в угол.

Мама обернулась. Улыбнулась.

– Хорошо, что ты наконец пришёл, – сказала она мягко. – А я уже волноваться начала. Ты где был?

– В школе, – отозвался Егор, укладывая в печь дрова. Ну и выстудило же дом за полдня, без куртки зуб на зуб не попадает.

– Голодный? – спросила мать.

– Ага.

Егор не отвлекался. Спички отсырели и отказывались гореть. Последний коробок, между прочим. Завтра надо в магазин забежать после школы.

– А я как раз думала пойти коровку подоить, – сказала мама. – А вечером до леса за земляничкой дошла бы, сообразили бы вкуснятину на ужин.

Егор мельком глянул в окно на ноябрьский снег, занёсший до самой крыши старый сарай, где уже лет десять не жила корова, вздохнул и сказал:

– Давай я сам потом схожу, мам. А пока гречки сварю. Будешь гречку?

Огонь быстро разгорался. Можно было, конечно, и на старенькой плите что-нибудь сварганить, но в доме было холодно. Хотелось, чтобы стены наконец задышали теплом и домашним уютом. Ну, или хоть чем-то похожим.

Дом медленно прогревался. Дрова потрескивали в печном нутре. Мать что-то рассказывала, улыбаясь. Егор кивал, не слушая. Она, когда становилась вот такой, не от мира сего, много чего рассказывала. Иногда вспоминала какие-то моменты юности, иногда ей казалось, что она по-прежнему девочка-подросток. Она говорила о людях, которых Егор никогда не видел, о местах, в которых якобы бывала, пересказывала странные и страшные сны. Поначалу Егор боялся её такую. Это была словно и не его мама, чужая женщина с чужой странной улыбкой и туманными глазами, видевшими в глубине себя что-то удивительное и непостижимое для других. Он убегал и прятался, дожидаясь, пока приступ закончится. Потом слушал. Спорил, пытался понять. Пробовал убеждать, что она выдумывает. Потом оставил и это. Пусть делает, что хочет. Лишь бы возвращалась обратно к нему. Страшно было думать, что однажды мама, рассказывая очередную историю, уйдёт в неё так далеко, что забудет вернуться. Вдруг остановится, нахмурит лоб и спросит:

– Мальчик, а ты кто?

Гречка сварилась быстро. Егор, честно говоря, не любил её, но особого выбора не было, разносолов в доме не водилось. Да и готовить Егор не очень-то умел. А маме всё равно. Во время своих приступов она вряд ли понимает, что ест и ест ли вообще. Не покормить, так и будет голодная.

– Много уроков задали, сынок?

Мать подёрла щёку рукой и с искренней нежностью смотрела на него через стол.

– Ты у меня такой уставший в последнее время.

Егор послушно перечислил всё домашнее задание на завтра. Немного. Два номера по алгебре, параграф по географии и сочинение. При упоминании последнего он невольно поморщился. Сочинения ему не давались, а уж это... Дурацкая тема, сиди теперь до ночи и соображай, что писать.

После обеда он разложил учебники по столу. Подумал и поменял местами алгебру и географию. Сначала то, что полегче. Потом русский на послезавтра. А уж потом самое неприятное. С литературой у него не складывалось. Потому что всё время надо было над чем-то думать, в основном, глупом и бесполезном. Как вы относитесь к Евгению Онегину? Каким представляется вам Печорин? Как вы оцениваете поступок Базарова? Интересно, Онегин дрова умел колоть? А Печорин печку растапливать? Егор думать не хотел. У него и так от мыслей иногда голова норовила лопнуть. А тут ещё литература. Вот, домашнее задание на завтра, сочинение на тему «О чём я мечтаю».

Он покосился на мать, молча глядящую в стену, и вздохнул. Мечты – это глупость. Наивная вера в чудо, которого не бывает. Мечты для таких, как Тоха Иванов, его одноклассник. Ему на прошлый день рождения мобильник крутой подарили, а на этот, летом, ноутбук обещают. Вот о нём и мечтать можно.

Или Сашка Звонарёва, та всему классу уши прожужжала, как на море поедет со старшей сестрой. Тоже мечта. Или Ленка Терещенко из выпускного класса. Её брат сидит через парту от Егора. Вождь всех школьных хулиганов, как говорит их классная. У них вообще отец дальнобойщик, деньги зашибает немалые. Мечтай – не хочу.

Своего отца Егор не помнил. Смазались и лицо, и голос. Зато помнилась драка. Мама страшно кричала на отца, кидалась тарелками, плакала. Тот рычал в ответ. Егор тогда испугался, спрятался за печкой и слушал оттуда, как хрустят под нервными шагами осколки тарелок, как звенят стёкла от крика и покачивается дешёвенькая люстра, свисающая с потолка. А потом отец шагнул к двери, мама кинулась за ним. И он её ударил головой о стену. Схватил за волосы и ударил. И ушёл, парашнув дверь об косяк. А мама сползла на пол, зажимая нос руками. Из него шла кровь. Вся кофта пропиталась, сквозь ладони текло до локтей. Егор, перепуганный, сжался за печкой, боясь не то что вылезти, просто вздохнуть. Так и сидели, долго-долго. А потом мама встала, вытирая лицо, и принялась молча собирать битые тарелки. Отец больше пришёл.

Егор тряхнул головой. Зря вспомнил. Внутри словно морозом прошлось. Мама с тех пор и стала заговариваться. Сначала понемногу, незаметно. То день недели перепутает, то соседку чужим именем назовет, то забудет, что в магазин уже ходила и ещё раз соберётся. Она тогда на почте работала. Раз не тот адрес написала, другой посылки перепутала. Пришлось уйти уборщицей в сельсовет. Потом молчать стала подолгу. Сидит, смотрит в одну точку и молчит. Егор тормозил её, разговаривал, обнимал. Иногда помогало. Но всё реже и реже. Он стал привыкать. Ну, странная. У всех свои недостатки. Других детей мамки спяну или под горячую руку поколачивают. А его никогда. Его мать его любит и даже не ругает ни за что. Да и не всегда она такая. Иногда весёлая, как раньше, суп ему варит, на работу ходит, в магазин. А с остальным он сам справится, он ведь уже взрослый.

А когда пару лет назад уводил её из деревенского магазина, смеющуюся, раскрасневшуюся и разговаривающую с невидимой подружкой, понял – нужно просто жить так, чтоб никто не знал, что у них происходит. Иначе его в детдом, а маму в психушку.

– Выпила, – объяснил он тогда любопытным соседям. В ответ сочувственно покивали головами. А что ж, привычное дело, особенно для деревни. Особенно для бабы, одинокой, поднимающей сына на ноги, нестарой ещё. Чудит? Так кто не чудит, когда выпьет? В магазин Егор с тех пор ходил сам.

Раскрытые тетрадки укоризненно белели на столе. Нужно было заниматься. Учёбу Егор особо не любил, но не хотел, чтобы из-за двоек мать вызывали в школу. Кто знает, чем это обернется. По той же причине он старался вести себя на уроках тихо и не ввязываться в неприятности.

– Тихоня, – презрительно хмыкали парни-одноклассники. – Лузер бесцветный.

Егор терпел молча. Ничего, он справится. Он взрослый, а взрослые и не такое преодолевают. Сколько той школы осталось, три года всего. Он справится. А дальше будет легче.

Алгебра сделалась быстро, параграф тоже не вызвал сложностей. А вот сочинение упорно не шло в голову. Егор пробовал и так, и этак. Глупая тема. И ещё глупее то, что, не принеси он завтра сочинение на неё, получит двойку. Мать что-то тихонько напевала, сидя на диване и перебирая в руках кисточки от старого пледа. Плед был вытертым и с одного угла попорченным молью, кисточки неровными и закатанными. Бездумно наблюдая за маминими руками, Егор вдруг подумал, что приступы становятся всё чаще и длиннее. Ещё год назад мама теряла связь с реальностью не больше раза в неделю. А теперь через день-два. И пробыть там, внутри себя, она может долго-долго. По сердцу снова когтистой лапкой царшнул страх – вдруг однажды не вернётся, не вспомнит его, не узнает. Беда, ни сочинения не написать, ни от дурацких мыслей не избавиться. Ни туда, ни сюда. Пойти проветриться, что ли? Заодно в магазин сходит. Спичек возьмёт, масла растительного, чтоб на нём остатки гречки к ужину разогреть. Не на воде же. Он пробовал, невкусно. Сосисок, может, каких.

Он поднялся, натянул куртку и взял из буфета деньги. Они всегда хранились там, кому и от кого их здесь прятать? Мама складывала туда, а Егор брал, когда шёл в магазин. Так и жили.

– Я скоро, – сказал он, направляясь к двери. Мать не отреагировала. Продолжала напевать, рассматривая кисточки. Егор вздохнул и прикрыл за собой дверь.

Сосисок не было. Вместо них он купил двести грамм разноцветных леденцов. Маме к чаю. Да и у самого слюнки текли при виде пёстрых фантиков. Будет у них сегодня настоящий пир.

– Как дела, Егорушка? – спросила продавщица, тётя Лена. Она у всех покупателей так спрашивала. Добрая.

– Нормально, спасибо, – сказал Егор. – Ещё пакет, пожалуйста.

– Мамку твою давно не видела. Здорова? Привет ей передавай.

– Здорова, передам, – пообещал он. – Спасибо.

Возле магазина снегу было меньше и идти легче. Егор пожалел, что по такой белой каше не срежешь путь огородами. Там, наверное, вообще не пройти. Придётся так, по дороге. Ничего, скоро Новый год,

а потом ещё пара-тройка месяцев, и всё начнет таять. А потом подсыхать. А потом лето. Будет тепло, светло до глубокого вечера и вообще здорово. Птицы будут петь. Соседский щенок вырастет в неуклюжего длиннолапного подростка и, наверное, перестанет пролезать в щель под забором. Егор тайком выломает ещё кусок доски там. При этой мысли он усмехнулся. Только бы соседка на горячем не поймала.

До дома оставалось два забора, когда он услышал голоса. Сердце кольнуло предчувствие беды, и Егор ускорил шаги. Голоса, звонкие, мальчишеские, недобрые, как и сопровождавший их смех, неслись из-за его калитки. Егор почти вбежал во двор и остановился, тяжело дыша.

Их там было трое. Мишка Терещенко и двое приятелей, те ещё гады. Они стояли полукругом возле крыльца и смеялись, показывая пальцами вперёд и толкая друг друга локтями. А на крыльце была мама. В одном домашнем платье и тапочках, с дырявым ведром в руках, она, растерянно улыбаясь, оглядывалась и что-то говорила мальчишкам. Но её не слушали.

– Большая! – выкрикнул насмешливо один из приятелей Мишки. – Идиотка!

Все заржали. Егор задохнулся. Это его мама. Его. Может, она и не совсем здорова, может, не всегда понимает, что происходит вокруг. Но она же никому ничего плохого не делает. За что они так?

Мама снова что-то сказала тихо. Потом поставила ведро на крыльцо. Где она его вообще нашла? И ушла в дом.

– Психушка по тебе плачет, – завопил Мишка ей в спину.

– Пошли вон отсюда, – сказал Егор срывающимся от злости голосом.

Все трое обернулись к нему.

– Смотрите, кто тут у нас, – протянул Мишка. – Лузер. А где ты был? Мы в гости пришли, а тебя нет.

Они неторопливо подходили. Не боялись. Что он им сделает? И плевать им, что они в его дворе. Такие всюду хозяева.

– Тебя нет, – продолжил Мишка гаумливо. – А твоя ненормальная мамаша есть. Она что у тебя, окончательно того? А чего тогда тут держишь? Её в больничку надо. Туда, где такие же, как она, башкой о стены бьются. А стены мя-а-агкие.

И все снова расхохотались.

Красная пелена упала на глаза. Егор был почти на голову ниже Мишки и заметно уже в плечах, но сейчас это не имело значения. Ярость бывает и в маленькой упаковке. А это была именно ярость. Он хотел рвать противника руками и зубами, бить и трепать, пока не запросит пощады. И он, больше не разговаривая, ударил. Сначала тем, что было в руках. Треснул целлофан, брызнули разноцветными каплями по снегу конфеты. Гулко ухнула бутылка масла.

– Ты! – взвизгнул Мишка. Егор не ответил. Отбросил остатки пакета и заехал кулаком в ненавистное лицо. И всё мгновенно завертелось, закружилось, заплясало вокруг. Крики, оханье, сыплющиеся со всех сторон удары. Боли почти не было, её глушила дикое неукротимое бешенство. Перед глазами мелькали лица и руки. Где-то истошно заходила лаем собака. Егор мельком подумал о соседском Тузике. Не прорвался бы сюда и не кинулся бы под ноги. Затопчут непутёвого. И тут же забыл о нём. От очередного удара в глазах потемнело. Егор зарычал и дал сдачи.

– А ну прекратите! Прекратите! – прорвался сквозь шум драки вопль соседки. Видно, выглянула посмотреть, чего собака так надрывается. – Сейчас полицию вызову и всех сдам! Прекратите!

Мишка шарахнулся от Егора. Тот, не успев отцепиться, покачнулся, но устоял. Для этого пришлось сделать шаг назад. Оба тяжело дышали. Егор вытер кровь с разбитой губы. Мишка сплюнул.

– Сматываемся, – дёргал его за плечо один из приятелей, теперь тоже красующийся ссадиной на скуле. – Брось его. Психанутый, как и его мамашка.

Егор сделал шаг вперёд. Противники – шаг назад.

– Я тебе это припомню, – процедил Мишка. – Теперь ходи и оглядывайся.

И они все втроем под собачий лай и крики соседки рванули к калитке.

Сердце медленно переходило с галопа на нормальный ритм. Егор мотнул головой. Оглядел истоптанное поле боя. Наклонился, сгрёб со снега бутылку с маслом, откатившуюся в сторону. Конфеты уже не спасти. Жаль. Прихрамывая, дошёл до крыльца и поставил её на ступеньку. Потом заберёт. Снова вытер нос рукавом. В таком виде нельзя. Нужно пересидеть где-то, выдохнуть. И он, наткнувшись взглядом на тёмную стену сарая, побрёл туда. Ноги подкашивались, но пульсирующий гул в ушах стихал.

Из пустого сарая тянуло сыростью и нежилым духом. Егор прижался спиной к покосившемуся косяку, сполз по нему вниз, сел на порожек. Сгрёб в горсть снег, наметённый за ночь под приоткрытую дверь, и вытер лицо. Розовые струи побежали по пальцам, пачкая рукава старой куртки. Кровь из носа всё ещё текла, губа стремительно опухала.

– Ненавижу, – пробормотал Егор невнятно. Сплюнул, окрасив белую землю рядом красным. Перед глазами всё расплывалось. Он же не плачет, в самом деле, он же взрослый. Взрослые не плачут.

Рукавом вытер щеку. Куртку теперь не отстирать. Да и чёрт с ней. В бок кто-то толкнул. Засопел, заскулил, обдал тёплым дыханием. Егор проморгался и повернул голову, чтобы взглянуть не заплывшим глазом. Соседский щенок. Тот самый, шоколадный.

– Ты чего здесь забыл? – хрипло спросил Егор. Голос царапнул горло, захотелось откашляться. Или глотнуть горячего чая, чтобы смыть противный металлический привкус с языка. Горячего чая не было. Зато кругом был холодный хрусткий снег. Тоже ничего, если выбора нет. Егор сунул крошечный снежок в рот. Щенок снова заскулил. Боднул мальчишку лобастой головой в колено, подставляясь под ладонь. Он был тёплым, доверчивым, он был здесь и сейчас с Егором, один-единственный. И Егор вдруг подался вперёд, обхватил руками толстое тельце, уткнулся разбитым носом в короткую жёсткую шерсть и затрясся в беззвучных судорожных рыданиях. Слёз не было, только рваные всхлипы и крупная дрожь по спине. Щенок терпел. Не вырывался и не ёрзал, только поскуливал и время от времени пыталсялизнуть Егора в лицо.

Домой он вернулся впотьмах. Хотел пробраться незаметно, вдруг мама уже легла. Но предательские ступеньки всё-таки скрипнули. Их поддержала дверь. Силуэт у беленой занавески у подоконника встрепенулся.

– Сынок? – спросила темнота тихо.

– Я, – буркнул Егор. Повесил куртку и наклонился над железным рукомойником. В доме снова было холодно, плеснувшая на руки вода показалась обжигающе ледяной. Даже зубы застучали. Егор зажмурился и, преодолевая дрожь, умылся. Синяки это, конечно, не уберёт, но остатки крови смоем.

Капли падали в жестяной таз с глухим звоном. Невидимые в темноте брызги стучали о стенки. Егор уже набрал ещё горсть воды, когда замер от лёгкого ласкового прикосновения. Вода, просачиваясь, потекла вниз ручейками.

– Егорушка, – сказала мама, стоящая рядом. Сказала очень тихо и серьёзно. И очень осмысленно. Настолько, что Егора пробрала дрожь уже не от холода. Он поднял глаза. В темноте лица матери почти не было видно, только смазанное пятно, но Егор знал, что она смотрит на него.

– Егорушка, – повторила она. – Ты не вини их и злости не держи. Что же делать, если так.

И совсем тихо добавила:

– Ты прости меня, сынок.

Она была рядом, сейчас рядом. Не в своих фантазиях, не в прошлом или будущем, не с кем-то другим. С ним. Его мама. Самая близкая и родная. И он был не долговязым подростком с расквашенным носом, знающим, сколько тушёнки класть в гречку, чтобы банки хватило на неделю, и умеющему стирать и штопать свои вещи. Он был маминим сыном, одиноким и растерянным, отчаянно нуждающимся вот в этой лежащей на плече ладони.

Мамино лицо расплылось сильнее, темнота стала прозрачной и мокрой. Егор сморгнул. Взрослые не плачут. Никогда не плачут. Он мотнул головой, взял полотенце и принялся вытирать лицо. Мама убрала руку и снова шагнула к окну.

– Ела? – грубовато спросил Егор.

– Не хочу, сынок, – отозвалась она.

– Тогда ложись.

– А ты?

– Уроки.

Не глядя на неё и стараясь не поворачиваться особенно пострадавшей правой половиной лица, он повесил полотенце на место, прошёл к письменному столу и включил тусклую настольную лампу. Грязно-жёлтый свет залил учебники и тетрадки. Верхняя – по литературе. Егор сел, вдохнул и открыл её. Взял ручку, погрыз кончик, формулируя первую фразу. А потом написал: «Собака друг человека. Поэтому я мечтаю завести собаку».

На диване тихонько ворочалась, устраниваясь спать, мама. За окном ноябрьская ночь тоже укладывалась на белые снежные простыни. Егор писал о собаке. О своей мечте. Ведь может быть у человека запасная мечта?